

КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ДЖ. ФАЙНБЕРГ, (1926–2004), доктор права, профессор Emeritus, Университет Рокфеллера, Университет Аризоны (США)

В рубрике «Переводы работ выдающихся ученых» публикуется перевод статьи «*Коллективная ответственность*» профессора Джоэла Файнберга на основе его доклада на симпозиуме Американской философской ассоциации 27 декабря 1968 г. Перевод с английского языка выполнен доктором философских наук, Associate Professor Maqsut Narikbayev University, членом Восточного отделения Американской философской ассоциации А.Б. Дидикиным по изданию: *Feinberg J. Collective Responsibility // The Journal of Philosophy, Vol. 65, No. 21, Sixty-Fifth Annual Meeting of the American Philosophical Association Eastern Division (Nov. 7, 1968), pp. 674-688.*

Джоэл Файнберг – американский ученый-юрист, всемирно известный специалист в области философии права и теории права. Автор множества работ, посвященных философии уголовного права, психологическим аспектам правопорядка, методологии права и толкованию правовых норм. На протяжении многих лет он работал в Университете Рокфеллера и Университета Аризоны. Дж. Файнберг является автором широко известных трудов в области философии уголовного права, в том числе четырехтомной книги *The Moral Limits of the Criminal Law (1984-1988)*, а также работ по философии права *Reason and Responsibility: Readings in Some Basic Problems of Philosophy (1965)*, *Doing and Deserving: Essays in the Theory of Responsibility (1970)*, *Rights, Justice, and the Bounds of Liberty: Essays in Social Philosophy (1980)*, *Freedom and Fulfillment: Philosophical Essays (1992)*, *Problems at the Roots of Law: Essays in Legal and Political Theory (2003)*.

Когда мы утверждаем, что человек несет ответственность за какой-то вред, мы иногда имеем в виду приписывание ему *ответственности* в виде определенных реакций, суждений или действий. Некоторые ответные действия требуют полномочий; из них одни носят карательный характер, а другие принуждают к компенсации пострадавшей стороне. В типичном случае индивидуальной ответственности за неблагоприятные реакции со стороны других должны быть выполнены три предварительных условия. Во-первых, должно быть истиной, что ответственный человек совершил вредоносное действие, или по крайней мере его действие или бездействие существенным образом способствовали этому. Во-вторых, причинно обусловленное поведение должно быть в какой-то мере *виновным*. Наконец, если вредный результат действительно «его вина», необходимая причинная связь должна быть прямой между виновным аспектом его поведения и последствием. Недостаточно причинить вред и быть виновным, если вина не имеет отношения к причинению вреда. Мы можем использовать выражение «составляющая вина», чтобы в обобщенном виде обозначить эти три условия. Таким образом, в стандартном случае ответственности за вред не может быть ответственности без составляющей ее вины.

Тем не менее, некоторые знакомые отклонения от стандартного случая вызывают путаницу и сомнения. В праве под термином «строгое вменение ответственности» понимается любая ответственность, для которой условие составляющей ее вины ослаблено или отсутствует. Это самая общая категория: субсидиарная и коллективная ответственность являются её наиболее интересными подтипами. В сфере деликтного права человека предупреждают, что если он зани-

мается чрезмерно опасной деятельностью (разжиганием пожаров, содержанием диких животных, взрывными работами с применением сильных взрывчатых веществ), он должен быть готов компенсировать любым невиновным сторонам, которые могут случайно пострадать, независимо от того, насколько тщательно и безупречно выполняются действия. Закон, конечно, допускает такие действия, но заранее возлагает риск на тех, кто ими занимается. В определённых обстоятельствах даже уголовные наказания могут обойтись без требования вины, если ответственная сторона имела некоторый выбор – принимать ли на себя риск, установленный законом, и некоторую возможность уменьшить этот риск своими действиями. Когда ответственность налагается без такого контроля, она может «падать с неба», как язва, и без всякого смысла обрушиваться на случайных незнакомцев.

Существует *субсидиарная ответственность*, когда составляющая ее вина или её элементы надлежащим образом приписываются одной стороне, но ответственность возлагается на другую сторону. Один безупречный вид субсидиарной ответственности возникает из процесса полномочий, при котором «принципал» *уполномочивает* своего «агента» действовать от его имени в определённых пределах, и эти действия связывают принципала так, как если бы он совершил их сам. Субсидиарное представительство может принимать две формы, в зависимости от степени свободы, предоставленной агенту. Есть те, кто как делегаты, эмиссары и агенты влияния просто передают указания от своих принципалов. «Свободные агенты», с другой стороны, это эксперты, нанятые для осуществления профессионального суждения от имени принципала. Им может быть предоставлена в некоторой степени независимость для действий по своему усмотрению в пределах ограниченной сферы, связывая принципала с последствиями, полезными или вредными. Такова роль доверенных лиц, некоторых адвокатов, покупателей и авторов-«призраков». Военная иерархия служит примером фундаментальной зависимости учреждения от системы односторонней субсидиарной ответственности. Другой вид субсидиарной ответственности исходит из отношений *поручительства*. Гарантийная компания может застраховать работодателя от нечестности нового сотрудника. Если сотрудник совершает присвоение и скрывается, вина, представительство и причинность полностью принадлежат сотруднику, но ответственность за возмещение убытков лежит на невиновном поручителе.

Ещё одна форма субсидиарной ответственности – ответственность работодателей по выплате компенсации жертвам небрежности или даже в некоторых случаях преднамеренных проступков своих сотрудников, даже если сотрудник действует вопреки приказам начальника, и начальник не допустил ошибок при найме, надзоре, инструктаже или обеспечении. Здесь действительно «грехи слуги взыскиваются с господина». Обоснование этой универсальной, но когда-то очень спорной практики, достаточно очевидно. Если у пострадавшего в аварии есть только сотрудник, к которому можно предъявить иск, он может в итоге оплатить большинство медицинских расходов сам. Работодатель, обладая «более глубоким кошельком», является более компетентным субъектом возмещения; кроме того, поскольку он *контролирует* подбор сотрудников для опасной работы, данное правило заставляет его быть более внимательным при распределении задач.

Большая часть того, что в истории человечества считалось *субсидиарной уголовной ответственностью*, либо являлось выражением таких примитивных представлений, как вендетта, нокальная капитуляция и заместительная жертва, либо представляла собой отчаянную военную меру, такую как наказание заложников и масштабные репрессалии. Могут ли быть обстоятельства в менее отчаянные времена, когда полномочия, иерархия, власть или поручительство – безусловно правдоподобные основания для неуголовной ответственности – могут также служить основанием для уголовного наказания? Согласно нашему текущему законодательству, принципал *несет* совместную ответственность со своим агентом, если тот совершает преступное деяние по указанию принципала или с его предварительным ведением либо последующим утверждением. Однако уголовное наказание руководителей за действия, совершённые полностью по своей инициативе подчинёнными, в нормальное время было бы варварским регрессом. Уголовное поручительство – более сложный вопрос. Я могу представить себе добровольную систему поручительства, которая позволяет отцам заранее договориться о прохождении наказания вместо своих сыновей в случае совершения последними преступлений. Такая система могла бы иметь некоторые случайные преимущества среди своих преобладающих недостатков: сдерживание и развитие семейной солидарности; и она

более логична, чем определённые космические системы уголовного права, в которых дети отвечают за грехи своих отцов, а не наоборот.

Существует важный момент, касающийся всей субсидиарной ответственности: даже когда разумно отделять ответственность от вины, передаваться может только сама ответственность. В частности, *не может существовать такая вещь как заместительная вина*. Вина состоит в умышленном нарушении запрета, «нарушении конкретного табу, границы или правового кодекса путём определённого добровольного действия» [1, р. 23]. Более того, понятие вины всегда было, по существу, связано с идеей «долга платежа». Виновный должен платить за свои грехи – и не просто компенсировать убытки (эта идея появилась гораздо позже), а выплачивать кровавые деньги, деод и неустойка, раскаявшаяся жертва и тому подобное. Теологи легко говорили о заместительной вине только потому, что понятие вины всегда имело двойной смысл: с одной стороны – реальный грех (умышленное нарушение), а с другой – уплата, искупление, искупление греха и так далее; и, по крайней мере логически, для понятий второго рода переносимость была понятна.

Коллективная ответственность, как я буду использовать этот термин, отличается от (других) субсидиарных обязательств лишь тем, что она касается организованных групп и их членов. Когда вся группа несет ответственность за действия одного или нескольких своих участников, тогда с точки зрения любого конкретного «ответственного» индивида *его* ответственность в большинстве случаев будет субсидиарной. При определённых обстоятельствах коллективная ответственность является естественным и разумным способом организации дел в организации, который члены вполне могли бы взять на себя добровольно. Это справедливо только для тех организаций, в которых уже существует высокая степень солидарности *де-факто*. Коллективная ответственность не только выражает эту солидарность, но и укрепляет её, и, следовательно, она хороша в той мере, в какой изначальная солидарность была хороша. Группа имеет солидарность в той степени, в какой её члены обладают взаимными интересами, связями привязанности и «общей судьбой». Взаимный интерес может быть конкретным пересечением общих интересов, или это может быть сообщество интересов такого рода, когда интегрированный набор интересов каждого члена включает интегрированный набор интересов каждого из других. Такое «сообщество» часто связано с эмоциональными узами, направленными на общие цели, или с взаимной привязанностью между сторонами. Наконец, стороны разделяют общую судьбу в том смысле, что их благо и вред необходимыми образом и коллективные и неделимые. Там, где есть солидарность, нельзя причинить вред одному члену, не причинив вреда всем; и в силу того, как связаны их интересы, успехи и удовлетворения одного распространяют свои выгоды на остальных. Что делает коллективную ответственность естественной в таких случаях, как бизнес-партнёрства, совместное авторство и спортивные команды, так это то, что стороны, изначально в основном единомысленные, обстоятельства заставляют (или принуждают) их действовать сообща и делить риск общего поражения или плоды неделимого успеха.

Возможно, нет лучшего индикатора солидарности, чем проявление дополнительной гордости и стыда. Эти чувства наиболее часто возникают у членов группы либо по отношению к большой группе в целом, либо к какому-либо другому члену (членам) этой большой группы, частью которой они являются. Иногда люди испытывают гордость или стыд за свои семьи, предков, страну или расу; и все или большинство членов группы могут испытывать гордость или стыд за достижения или неудачи отдельных её членов. Некоторые авторы фактически отрицали возможность подлинной дополнительной гордости (и, предположительно, стыда), и несомненно, что проявления дополнительной гордости часто можно объяснить иначе. Родительская гордость за достижения сына может быть следствием убеждения, что эти достижения отражают влияние родителя, так что на самом деле это гордость за «то, что я создал в своём сыне». Это может быть верно в некоторых случаях, но, очевидно, не может объяснить сыновнюю гордость за достижения своих родителей или бабушек и дедушек. В этой связи Х. Д. Льюис говорит о «предположении, что мы сами, подвергаясь тем же влияниям, в некоторой степени обладаем качествами, которыми славятся другие представители нашей группы» [2, р. 7]. Это объясняет многие случаи сыновней гордости и стыда, но, очевидно, не может объяснить гордость иммигранта за «американский образ жизни» или чувство стыда противника войны за то, что он «носит ту же форму», что и те, кого он считает виновными в зверствах.

Конечно, последнее может быть чем-то иным, нежели стыд, а именно – чувством оскорбления из-за того, что окружающие связывают тебя с действиями, которые ты осуждаешь и в которых полностью невиновен. Обычное смущение, как и гордость за то, что ты помог другим или за свои качества, которые предположительно разделяют заметно достойные люди, – это эгоцентричное отношение; подлинно заместительное чувство, если такое вообще возможно, должно основываться на поступках или качествах других, рассматриваемых исключительно самостоятельно, независимо от действий или качеств главного героя.

Х. Д. Льюис дает подсказку, когда говорит о феномене симпатического отождествления: «Наш интерес к тем, с кем у нас есть особые привязанности, позволяет нам следить за их успехами с чувством удовлетворения, будто это наши собственные» [2, р. 8]. Если именно таково подлинное заместительное чувство гордости, то это явление из той же категории, что и симпатизирование боли или сострадание. Действительно, любое чувство, которое может испытать один человек, может быть испытано дополнительно к другим, обладающим достаточной чуткостью воображения. Однако нам нужен не просто учет дополнительного или воображаемого сопереживания, а объяснение, которое *распространяется* также на заместительные неразделенные или заменяющие чувства. И здесь, думаю, ключом является симпатия. Когда кто-то близкий мне, о ком я забочусь, выставляет себя в дураках перед другими, я могу чувствовать смущение за него, хотя он сам этого не ощущает. Но если подобным образом ведет себя чужой или человек, которого я презираю, моя реакция будет безразличной, жалостью или презрением – реакциями, не являющимися заместительными. Сравните: «Я горжусь (стыжусь) тобой» и «Я горжусь (стыжусь) за тебя». Первое похоже на принятие себе части заслуг (вины); второе – как поздравление или, в случае стыда, осуждение с внутренней или симпатической точки зрения. Мы склонны поздравлять или «братски осуждать» лишь тогда, когда ощущаем определенную степень солидарности с другими. Солидарность – необходимое условие для заместительной эмоции, которая, в свою очередь, является индикатором этой солидарности.

Я думаю, это объяснение помогает понять некоторые загадочные вариации. Например, вполне естественно, что американский темнокожий будет чувствовать солидарность со всеми другими темнокожими и говорить о том, что было сделано «черному человеку» белым человеком и какими должны быть моральные отношения между «черным человеком» (всеми черными людьми) и «белым человеком» (всеми белыми людьми). Но я, например, совершенно не способен испытывать такого рода солидарность со всеми белыми людьми – разнородной группой из миллиарда человек, которые в моем представлении вовсе не являются «организацией», как и весь человеческий род в целом. Я, конечно, не ощущаю никаких связей с работниками XVII века, аналогичных тем узам идентификации, которые, естественно, испытывает американский темнокожий с захваченными рабами. Именно из-за этого провала воображения я не могу испытывать за них стыд. Аналогично, европеец, потрясенный американской внешней политикой, почувствует злость или отчаяние, но не чужой стыд, если у него нет сентиментальной привязанности к США. Американец с похожими взглядами будет стыдиться своей страны. Действительно, нельзя испытывать глубокий стыд за свою страну, если ты ее не любишь.

Системы коллективной ответственности вызывают наибольшее отторжение у нашего современного сознания, когда речь идет о наказаниях уголовного характера. Хотя была эпоха, когда примитивные условия требовали, чтобы функция правопорядка возлагалась на местные группы посредством системы *обязательного всеобщего поручительства*. Среди ранних англосаксов полностью надежным считался тот человек, который не покидает деревню, где проживает его многочисленная родня, ведь именно они служили его поручителями, гарантирующими его хорошее поведение. Напротив, чужак, находящийся далеко от своих родственников, ничем не был ограничен, и поскольку его смерть не вызвала бы кровной мести, он не имел правовой защиты от нападения других [3, р. 81]. С развитием христианского феодализма древняя система родственного поручительства разрушилась, так как среди подозрительных селян стали появляться священники без родственных или местных связей, и «по мере того, как шло время, многие люди, по той или иной причине покидавшие свои первоначальные места и искавшие счастье в других местах... не могли полагаться на родственные связи как гарантию своей законопослушности и благонадежности» [4, р. 77]. Поэтому была разработана новая система обязательного поручительства, основанная

на соседских, а не на родственных связях. Теперь каждого человека *делали* «законопослушным и благонадежным» путем включения в соседскую группу, каждый член которой был поручителем за его поведение. Если правонарушитель не был представлен своей группой поручителей для ответа по уголовному делу, штраф взимался с каждого члена группы, а иногда предусматривалась и обязанность возмещения ущерба.

Сегодня это может показаться нам варварской мерой примитивных людей, у которых не было понятия индивидуальной справедливости; однако я думаю, что это слишком суровое суждение. Система гарантий была подлинной системой уголовного права: в ней не было ничего *произвольного, ситуативного или имевшего обратную силу*. Это была также система обязательного коллективного самоконтроля в эпоху, когда профессиональная полиция была невозможна. Более того, она укрепляла существовавшую ранее групповую солидарность, подобной которой не может быть в эпоху быстрого перемещения, как наша современная. Самое главное – эта система работала; она предотвращала насилие и была в целом признана частью ожидаемого естественного порядка вещей.

Тем не менее, уж точно нет пути назад к такому виду коллективной ответственности. Гомперц завершил своё эссе утверждением: «что люди могут нести ответственность только за свободно выбранное индивидуальное поведение – это, безусловно, ошибка; вызывает путаницу принципа, характерного для индивидуалистических эпох, с вечным законом человеческой природы» [5, р. 342]. Я согласен, что принцип индивидуальной ответственности не является «вечным законом»; но Гомперц вводит в заблуждение, предполагая некий исторический релятивизм, согласно которому индивидуалистические и коллективистские эпохи сменяют друг друга, как стили в женских юбках. Напротив, изменения, произошедшие с наступлением современности, вполне неизбежно предписывают одному принципу заменить другой, и никакой «череды» даже отдалённо не предвидится – если только масштабные разрушения не заставят человеческую расу начать всё заново в малых изолированных сельских поселениях. При современных условиях гарантийная система не сработала бы так, как задумывалось, поскольку группы поручителей, подверженные быстрому обновлению, лишились бы необходимой сплочённости и солидарности, чтобы оказывать серьёзное влияние или контроль над своими членами. Сейчас сложнее внимательно следить за соседями, поскольку мы больше не проводим большую часть каждого дня, работая с ними бок о бок в соседних полях. Кроме того, мы больше не налагаем на всех граждан обязанность поднять тревогу при обнаружении преступления, бросить работу, вооружиться и присоединиться к погоне, под угрозой наказания всей группе гарантов. Теперь мы говорим, что обнаружение и преследование преступников – дело полицейских. Они получают за это плату, а не мы; и они гораздо лучше подготовлены для этой работы. Кроме того, у всех нас есть другие дела.

Но мы заплатили цену за принцип индивидуальной уголовной ответственности – цену в виде потери приватности, которая будет становиться всё ощутимее, поскольку технические средства, делающие возможной работу современной полиции, достигают той точки, когда инспекция жизни и истории любого человека станет возможной всего через несколько минут после того, как этого пожелает полицейский чиновник. В старые времена человек не мог долго сомневаться, должен ли он отвечать за своего ближнего, – голос власти недвусмысленно давал понять, что он чёрт возьми, должен быть таким. Сегодня мы предпочитаем не вмешиваться в борьбу с преступностью, и в итоге те, кто предназначен контролировать преступность, всё глубже вмешиваются в нашу жизнь.

В итоге коллективная уголовная ответственность, возложенная на группы как обязательная мера самоконтроля, оправдана только тогда, когда существует очень высокий уровень предварительной сплочённости группы и когда эффективное профессиональное полицейское сопровождение невозможно. Более того, справедливость требует, чтобы такая система была частью ожидаемого уклада жизни группы, и чтобы те, на кого возлагается косвенная ответственность, имели определённую степень *контроля* над теми, за кого они поручаются. Именно потому, что эти условия почти никогда не выполняются в современной жизни, а не из-за того, что индивидуальная ответственность является вечным законом разума, коллективная уголовная ответственность больше не считается приемлемой формой организации общества.

Такова коллективная ответственность как форма *ответственности без вины*. Тем не менее, люди часто имеют в виду иные модели, когда говорят о «коллективной ответственности».

1. Ответственность с непреднамеренной виной.

Различные виды вины могут существовать и без какой-либо причинной связи с вредом, если это отсутствие – лишь удачное стечение обстоятельств, не являющееся заслугой виновного. Когда каждый член группы совершает такой же проступок, но к вреду приводит ошибка только одного члена – и не потому, что его проступок был больше, чем у других, а лишь из-за независимых случайностей – многие посторонние склонны возлагать коллективную ответственность на всю группу. Другие посторонние могут отрицать правомочность привлечения даже виновного человека к ответственности за вред, который возник не «по его вине»; но для самого члена группы занимать такую публичную позицию выглядело бы не слишком привлекательно и самодовольно. Более уместно ему скорбеть и добровольно компенсировать ущерб, насколько это возможно, чем упрямо настаивать на невинности, вызванной лишь счастливым случаем.

В подобных ситуациях мы имеем удобную модель для интерпретации преувеличенных высказываний о всеобщей ответственности. Например, один человек на вечеринке сильно выпивает, затем едет домой на обычной (высокой) скорости, по пути сбивая пешехода. Заявление о том, что мы все виноваты в этом преступлении, в определённом смысле лишь небольшое преувеличение, ведь это очень распространённая практика – возможно, *большинство* из нас ездят ночью быстрее установленного ограничения, а также ездят туда и обратно на вечеринки, где выпивают. Большинство из нас «виновны» в такой практике, хотя только тот водитель, который был прямо вовлечён в несчастный случай, виновен в причинённом вреде. Его вина или ответственность *больше, и больший* вред произошёл по его вине, но из этого не обязательно следует, что он виноват или ответственен в большей степени, чем остальные.

Сейчас существуют некоторые недостатки характера, которые присутствуют у некоторых людей, хоть и в разной степени, и практически у всех. Эти недостатки иногда наносят огромный ущерб. Имеет смысл сказать, что все, кто разделяет эти недостатки, даже те, кто не имел возможности причинить ими вред, являются «ответственными», когда вред проявляется, в том смысле, что они морально ничем не лучше тех, чьи недостатки способствовали причинению вреда, и поэтому они должным образом отвечают за то, какие они есть, пусть хотя бы перед собственной совестью. Даже чересчур обобщенное утверждение, что общие недостатки присущи всем без исключения, имеет смысл, хотя на самом деле есть исключения; это служит для того, чтобы показать, что серьезные и опасные недостатки гораздо более распространены, чем обычно считается, и могут иметь место в самых неожиданных местах. Поскольку недостатки характера выражаются склонностью действовать или чувствовать неправильно в различных обстоятельствах, мы можем никогда не узнать, что у данного человека есть определенный недостаток, пока не возникнут обстоятельства, которые его проявят; а такие обстоятельства могут вообще не возникнуть.

Может ли быть морально приемлема ответственность тех, у кого недостаток есть, но которые внесли свой вклад в причинение вреда опосредованно? Уголовное наказание для целых групп людей, разделяющих недостаток, по многим причинам невозможно. У нас нет способа подтвердить предположения о том, как человек с данным характером поведет себя в других обстоятельствах; поэтому, если мы хотим избежать наказания невинных, лучше дожидаться, когда обстоятельства изменятся. В любом случае, чем больше и разнообразнее группа претенциозных участников с недостатком, тем меньше вероятность, что у всех одинаковая степень этого недостатка. Если, тем не менее, недостаток правильно распределяется по большой группе, вероятность того, что он присутствует и у судьи, присяжных и прокурора, возрастает. Такие моральные неопределенности обычно отсутствуют, когда у нас есть доказательства связи недостатка отдельного человека с каким-то вредным результатом. Те счастливицы, которые имеют недостаток, но не имеют причинной связи с вредом, с точки зрения уголовного права должны просто воспользоваться своей удачей. Но вне политико-правовых контекстов аргумент о причинной связи как обязательном условии ответственности значительно ослабевает. Закон не будет ни наказывать Б, ни заставлять его компенсировать С ущерб, причиненный недостатком А, если Б столь же склонен к этому недостатку, как и А; но это не основание, чтобы частные лица воздерживались от осуждения или игнорирования Б в той же мере, что и А, или чтобы А не считал себя ответственным.

2. Преднамеренная групповая вина: коллективная и распределительная.

Иногда мы приписываем ответственность всей группе из-за совместного вклада каждого её члена. Групповая ответственность в этом понимании – это просто сумма индивидуальной ответственности. Так как каждый отдельный человек соучаствует в причинении вреда, никто не несет ответственность за других. Тем не менее, возникают проблемы в трех ситуациях: во-первых, когда большое количество людей независимо друг от друга виновны без сговора или связи между ними; во-вторых, когда вред причинен совместным мероприятием многочисленных лиц, действующих совместно; в-третьих, когда вред объясняется какой-то чертой общей культуры, сознательно подерживаемой и разделяемой всеми членами группы.

Представим, что человек плавает у общественного пляжа без профессиональных спасателей и кричит о помощи так, что его слышит группа из тысячи опытных пловцов, отдыхающих на пляже; но никто не двигается ему на помощь, и он тонет. Традиционное общее право не возлагает никакой, ни уголовной, ни гражданской ответственности за вред в подобном случае. Среди часто приводимых причин – если ответственность будет возложена на одного, то по справедливости придётся возложить её на всю огромную группу; если на каждого опытного пловца, способного помочь, ложится обязанность спасать тонущих, результатом станет хаос и неразбериха, с толпами спасателей, которые мешают друг другу, и никто не будет уверен, что не нарушает закон, медля с началом спасательной операции. С другой стороны, говорится, если каждый почувствует обязанность избежать такой хаотичности, может возникнуть цепочка вежливого бездействия на масштабах большого бедствия. Мне этот аргумент всегда казался неискренимым. Я не вижу оснований, почему правовые обязанности не должны совпадать с моральными: каждый обязан попытаться оказать помощь, если только не слишком много других уже начали спасательные действия. Короче говоря, каждый должен использовать глаза и здравый смысл и сотрудничать, как может. Если никто даже не сдвинется с места, значит никто не сделал максимум в данных условиях и *все* по крайней мере подлежат упреку. Поскольку каждый из них мог спасти пловца, верно, что без *его* бездействия вред бы не произошел. Может быть неудобно привлекать всю тысячу человек к уголовной ответственности, но сложности будут не более тех, что возникают при преследовании за заговор такого же масштаба. Что касается гражданской ответственности, проблема еще менее серьезна: истцу (вдове) просто следует позволить выбрать ответчиков из множества виновных, причем, очевидно, среди тех, у кого «самые глубокие карманы».

Второй вид случаев, иллюстрирующих групповую вину, распределяемую на каждого члена группы, – это случаи, когда все члены группы знают о преступлении или деликте как соучастники, пособники или совместные правонарушители. В сложных преступлениях *соучастие* неизбежно приписывается лицам с разной степенью участия в преступлении. Общее право делит виновных преступников на четыре категории: «исполнители», «пособники», «подстрекатели» (все трое – «соучастники») и «уголовные покровители», так что человек может быть виновен в совершении данного преступления либо как основной исполнитель (и даже исполнение – вопрос степени, поскольку пособники считаются «основными во втором порядке»), либо как участник в роли подстрекателя или покровителя. Таким образом, человек может быть виновен как пособник даже в преступлениях, которые он сам не способен совершить. Например, женщина может быть признана виновной в изнасиловании как пособник или подстрекатель мужчины, который должен быть основным исполнителем преступления в отношении другой женщины.

Предположим, что С и D планируют ограбление банка, представляют свой план уважаемому другу А, получают его одобрение, берут в долг оружие у В для этой цели, нанимают Е в качестве водителя для побега, а затем осуществляют план. Преследуемые полицией, они вынуждены покинуть маршрут побега и укрыться на ферме F, доброго дяди Е. F поздравляет их, гостеприимно принимает и благословляет на дальнейший путь. G, сосед F, узнает обо всем этом, не одобряет их, но ничего не предпринимает. Другой сосед, H, узнает об этом, но молчит за взятку. По этим фактам А, В, С, D, Е и F все виновны в ограблении банка: С и D – как исполнители, А и В – как подстрекатели, Е – как пособник, F – как покровитель. G виновен в проступке, называемом «укрывательство преступления», а H – в проступке «подкуп с целью сокрытия преступления» [6, р. 558].

С другой стороны, если J, старый знакомый С и D, видит, что они собираются войти в банк, заметив подозрительные выступления в их карманах, предполагает, что они замышляют что-то плохое, но не предпринимает ничего из-за простого нежелания «вмешиваться», то он юридически не виновен. Однако он, безусловно, подлежит осуждению; и как моралисты мы можем оценить этот пограничный случай иначе, чем юристы, и назвать его своего рода «моральным соучастником» перед фактами, «морально виновным», хотя и в меньшей степени, чем остальные. Мы можем позволить себе иметь более строгие стандарты вины, чем юристы, поскольку *наши* вердикты не повлекут за собой формального наказания, и не требуют учета процедурных сложностей.

Часть проблемы определения степеней ответственности отдельных лиц при совместных действиях, где ответственность не является субсидиарной, состоит в оценке *вклада* каждого участника в сотрудничество. Это требует оценки различных несопоставимых аспектов вклада – степени инициативы, трудности или критической важности порученных подзадач, степени авторитета, доли полученной прибыли и так далее. Хотя эти вопросы нельзя решить математически, приблизительные ответы подсказывает здравый смысл, а юридические категории соучастия оказываются достаточно практичными. Более сложные проблемы требуют оценки *добровольности*. Несу ли я свою долю «моральной вины» за вьетнамское безобразие в результате уплаты военных налогов? Соизмерима ли моя позиция с позицией В, «подстрекателя» из примера с ограблением банка? Если я избегаю протестных демонстраций, виноват ли я в «сотрудничестве» со злом, возможно, по образцу J, F, G или H? Ответы на эти вопросы, полагаю, трудны не потому, что степень моего причинного вклада трудно измерить, а потому, что сложно определить, насколько строгими должны быть стандарты добровольности в таких случаях. Поскольку неуплата налогов – преступление, уплата военных налогов еще менее добровольна. Пойти в тюрьму просто чтобы избежать связей, пусть и косвенных, с каким-то злом – это героический путь. Человек, который «содействует» преступлению под угрозой, конечно, в другой позиции, чем тот, кто сотрудничает, как H из-за взятки, или как J из-за лени или трусости. Однако достаточно ли угрозы уголовного наказания, чтобы считать «сотрудничество» с властями оправданным, зависит от многих факторов, включая степень зла и вероятность его смягчения с сопротивлением или без него. В любом случае простое несопротивление не считается «сотрудничеством», если не выполнены определённые условия. Если же эти условия явно не выполняются, как в нацистской Германии, несопротивление полностью невольно, так как его единственная альтернатива – бессмысленная саможертвенность.

Третий интересный случай коллективной вины – тот, что связан с обычаями группы и отражается на каждом её члене. Даже Дуайт Макдональд признаёт, что существуют «народные действия», которые группа «спонтанно принимает и рассматривает целиком... которые одобряются народной моралью» и не являются просто «делами чётко отличающихся подгрупп» [7, р. 45]. Например, нацизм не был в таком смысле народным действием. В противовес этому повседневное и обширное насилие «в отношении темнокожих на юге Америки, кульминацией которого стали линчевания, может рассматриваться как настоящее «народное действие», за которое южные белые несут коллективную ответственность... жестокость принималась участием в ней, активно или с пассивным сочувствием, всём белой общиной [написано в 1945 г.] [Там же].

Послевоенная южная социальная система, которая теперь начала разрушаться, была создана вне политических институтов и только косвенно подкреплялась законом. Ее жестокости служили «инструментом удержания темнокожих на нижних ступенях общества и поддержания превосходства белой касты» [8, р. 45]. Следует ли из этого, что все южные белые несут коллективную ответственность? Предполагаю, что 99% из них, сформированные господствующими обычаями, полностью её одобряли; а как насчёт небольшой части, если они ненавидели эту традицию, не считали себя южанами? Тогда, возможно, замечание Макдональда можно сохранить, исключив этих полностью отчуждённых людей из белого южного сообщества, которому он приписывает коллективную ответственность. Но полное отчуждение маловероятно в открытом обществе; а в общине с мощным социальным контролем обычаев отчуждённый резидент будет находиться в положении не лучше, чем темнокожий. Следовательно, коллективная ответственность может быть приписана всем белым, кто не является изгнанником, принимая уважение и материальный комфорт как свидетельства того, что данный человек не подпадает под исключение.

3. Преднамеренная групповая вина: коллективная, но не распределительная.

Есть вред, который может приписываться групповой вине, но не вине каждого или даже какого-либо отдельного члена. Рассмотрим ограбление поезда Джесси Джеймса. Один вооружённый человек грабит полный вагон пассажиров. Если бы пассажиры объединились и бросились на грабителя, возможно, один или двое из них были бы ранены, но коллективно они бы одолели и обезоружили его, сохранив имущество. Тем не менее все они покорно подчинились. Насколько они ответственны за свои потери? Не столь сильно. В такой ситуации можно ожидать самоотверженного героизма только от единиц, поэтому никто из группы не виноват в отсутствии сопротивления. Однако вся группа в целом могла успешно сопротивляться. Можно ли тогда сказать, что группа коллективно, но не распределённо виновна? Может ли ответственность группы превышать сумму ответственности её членов? Уверен, можно так считать. Ведь была неисправность в организации (или отсутствии организации) группы пассажиров, допустивших ограбление. Эта ситуация – модель для тысячи кризисов в истории нашей корпоративной жизни. Никого не осудишь за отсутствие героизма или святости (что было бы странной «виной»); но можно упрекнуть народ в неспособности породить героя, когда это необходимо, особенно если можно связать эту неспособность с заметным элементом в коллективном «образе жизни», препятствующим героизму.

Можно подумать, что там, где групповая вина не является распределённой, коллективная ответственность тоже не должна быть распределённой, иначе она падет косвенно на невиновных членов. Но при всех негативных реакциях коллективная ответственность неизбежно распределяется: то, что вредит группе, вредит её членам. Следовательно, если условия оправданной коллективной ответственности – солидарность группы, заблаговременное предупреждение, возможность контроля и т. п. – не выполняются, коллективная ответственность в таких случаях кажется необоснованной.

Исключение составляют случаи, когда институциональная группа сохраняется через смену участников, и невиновные члены должны отвечать за вред или обязательства, причинённые предыдущим поколением. Обязательства, принятые от имени организации перед индивидуумом, могут сохраняться, даже если состав группы и её «воля» изменились. Если, тем не менее, группа не выполняет обещание, вина может не лежать на отдельных членах, но ответственность за нарушение контракта, возложенная на группу целиком, неизбежно распределится на невиновных членов. Возьмём философский факультет, который обсуждает, выпускать ли студента. Главным аргументом против была ответственность за руководство диссертацией, поскольку никто не хотел читать его работу. Решение приняли, когда двое добровольно согласились руководить диссертацией. Через год один покинул факультет, другой умер, и никто не хотел руководить студентом, поэтому факультету пришлось нарушить обещание. *Никто* из членов не чувствовал себя лично обязанным за обещания коллег, данные студенту от имени факультета. Конечно, юридическая ответственность невозможна, но, если бы факультет был вынужден сдержать слово, это был бы отличный пример нераспределённой групповой вины и соответствующей коллективной ответственности, неизбежно распределяемой.

Список литературы:

1. Lynd H.M. *On Shame and the Search for Identity*. New York: Science Editions, 1961.
2. Collective Responsibility. *Philosophy*. 1948. Vol. XXIII, Issue 84.
3. Hobhouse L.T. *Morals in Evolution*. London: Chapman & Hall, 1951.
4. Chrimes S.B. *English Constitutional History*. London: Oxford, 1953.
5. Gomperz H. Individual, Collective, and Social Responsibility. *Ethics*. 1939. Vol. LXIX, Issue 3.
6. «Подстрекатель - это тот, кто с целью совершения преступления помогает, консультирует, приказывает, подбивает или поощряет другого к совершению преступления или с целью снабжения его оружием, инструментами или информацией, необходимыми для его преступных целей». (Perkins R.M. *Criminal Law*. Brooklyn: Foundation Press, 1957).
7. *Memoirs of a Revolutionist*. New York: Meridian, 1958.
8. Dollard J. *Caste and Class in a Southern Town*, as quoted by Macdonald.

References:

1. Lynd H.M. *On Shame and the Search for Identity*. New York: Science Editions, 1961.
2. Collective Responsibility. *Philosophy*. 1948. Vol. XXIII, Issue 84.
3. Hobhouse L.T. *Morals in Evolution*. London: Chapman & Hall, 1951.
4. Chrimes S.B. *English Constitutional History*. London: Oxford, 1953.
5. Gomperz H. Individual, Collective, and Social Responsibility. *Ethics*. 1939. Vol. LXIX, Issue 3.
6. "An inciter . . . is one who, with mens rea, aids, counsels, commands, procures, or encourages another to commit a crime, or with mens rea, supplies him with the weapons, tools, or information needed for his criminal purpose." (Perkins R.M. *Criminal Law*. Brooklyn: Foundation Press, 1957).
7. *Memoirs of a Revolutionist*. New York: Meridian, 1958.
8. Dollard J. *Caste and Class in a Southern Town*, as quoted by Macdonald.

Для цитирования и библиографии: Файнберг Дж. Коллективная ответственность // Право и государство. № 3(108), 2025. – С. 137-146. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_3_137

Материал поступил в редакцию 10.06.2025

НОВЫЕ КНИГИ

Дж.М. Келли. Краткая история западной теории права. Изд.: Алеф-Пресс, 2025 – 542 с.

ISBN:978-5-905966-14-1

Джон Морис Келли (1931-1991) - ирландский политик, министр иностранных дел Ирландии (1981). Эта книга является попыткой предложить студентам, изучающим право и политику, путеводитель приемлимого размера по истории ведущих тем в юридической теории западной цивилизации. Книга разделена на десять глав, посвящённых десяти отрезкам времени, отделяющим мир Гомера от мира Горбачёва.